

Актуальные вопросы публичного права

УДК 341.9.01

DOI: 10.26456/vtpravo/2024.2.007

РЕЛИГИОЗНОЕ ПРАВО И СТАБИЛЬНОСТЬ ВНЕШНЕТОРГОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

П.В. Сергеев

ФГБОУ ВО «Смоленский государственный университет»;
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте РФ»;
ОЧУ ВО «Международный юридический институт» г. Смоленск

В статье обосновывается актуальность проблемы обеспечения стабильности внешнеторговой деятельности. Отмечается необходимость обращения к альтернативным (негосударственным) инструментам регулирования международной торговли. Доказывается, что религия влияет на международную торговлю как на уровне формирования мировоззренческих ориентиров, так и в правовом поле. Выделены три фактора воздействия норм религиозного права на поведение участников внешнеторговой деятельности: ожидание воздаяния сверхъестественного характера, общественное поощрение и общественное порицание. Делается вывод о перспективности более тщательного исследования религиозного права в контексте регулирования международной торговли.
Ключевые слова: международная торговля, внешнеторговая деятельность, религиозное право, негосударственное регулирование; фондовые индексы.

Статья 1 Федерального закона от 08.12.2003 г. № 164-ФЗ «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности» определяет внешнеторговую деятельность как деятельность по осуществлению сделок в области внешней торговли товарами, услугами, информацией и интеллектуальной собственностью. Внешняя торговля, в свою очередь, традиционно понимается как импорт и (или) экспорт, производимые в рамках международной торговли.

Международная торговля вообще и внешняя торговля в частности всегда являлись сферами повышенных рисков для участников экономического оборота. Однако наиболее отчетливо рискованный аспект внешнеэкономической деятельности проявляет себя в последние годы. Среди основных причин можно выделить пандемию COVID-19, геополитическую напряженность и экологические проблемы. Обусловленная данными факторами неопределенность будущего препятствует долгосрочному планированию отношений с зарубежными партнерами, что негативно сказывается на стабильности оборота, приводит к сокращению хозяйственных связей. В 2023 г. произошло существенное снижение как объема международной торговли (по

данным UNCTAD) [21], так и оборота внешней торговли России (на 16 % за три квартала 2023 г. по данным Федеральной таможенной службы России [5]). Прогнозы экспертов на 2024 г. также не внушают оптимизма и в целом говорят о том, что в глобальном масштабе рецессию вряд ли удастся преодолеть [21].

Приведенные данные вовсе не означают, что внешнеторговая деятельность утратила интерес для участников оборота или государства. Вопреки всем рискам, хозяйствующие субъекты не довольствуются внутренним рынком и ищут новые пути выхода на рынки внешние. Многие отечественные компании уже переориентировались на рынки Азии и Африки (импорт из азиатских стран вырос на 40 %, а в целом товарооборот с Азией – на 70 %) [5]. Для государства активная внешняя торговля является неотъемлемой составляющей обеспечения прогрессивного социально-экономического развития. Эффективная внешнеторговая деятельность предоставляет доступ к товарам и услугам, отсутствующим на внутреннем рынке, стимулирует предпринимательство и инновации (конкуренция на международной арене ожидаемо заставляет компании улучшать свою продукцию), а также дает возможность взаимодействовать с зарубежными экспертами, что способствует обмену опытом и передовыми технологиями, обеспечивая рост производительности труда и положительно сказываясь на благосостоянии общества.

Вместе с тем данные UNCTAD и ФТС России показывают, что государственное и межгосударственное регулирование международной торговли, несмотря на наличие специализированных международных институтов и перманентный процесс адаптации к изменениям, происходившим в условиях относительной предсказуемости, оказалось не в состоянии обеспечить стабильность оборота в кризисных условиях.

В сложившейся ситуации целесообразным представляется обратить внимание на альтернативные (негосударственные) механизмы регулирования рыночных отношений. В особенности на те из них, которые имеют транснациональный характер, длительное и широкое практическое применение.

В сравнении с прочими альтернативными регуляторами внешнеторговой деятельности религия достаточно редко привлекает к себе внимание исследователей-юристов. К вопросу о воздействии религии на международный торговый оборот в разное время обращались Ч.У. Ли и С. Парк [26, с. 409–425], Р.-А. Механна [27, с. 284–296], М. Хэлбл [22, с. 11], М. Фраттиани и Х. Канг [25, с. 493–508], М.А. Казанцева и А.Н. Непп [8, с. 274–302]. Но перечисленные авторы, убедительно обосновав детерминированность современной международной торговли религиозным фактором, рассматривают данный вопрос с точки зрения экономики, затрагивая вопросы права лишь косвенно. Так, М.А. Казанцева и А.Н. Непп, опираясь на теорию транзакционных издержек Д.

Норта, приходят к выводу о допустимости рассмотрения религии как альтернативы слабым либо потерявшим доверие государственным институтам, способствующей развитию внешнеэкономических связей [8]. Представляется, что данный тезис заслуживает внимания и более основательной экономико-правовой аргументации.

О влиянии религиозных воззрений на хозяйственную деятельность писал еще М. Вебер [2, с. 136-271]. Соглашаются с этим и современные исследователи. В частности, испанский экономист К. Сала-и-Мартин установил положительное влияние конфуцианства, буддизма и ислама на экономику [30, с. 178–183]. Подобное влияние не ограничивается перечисленными конфессиями и обнаруживается через проекцию основных ценностных установок сообщества верующих на повседневную экономическую активность его членов. Например, в христианстве риск воспринимается как Божье провидение, что способствует принятию экономической неопределенности и стимулирует торговую активность в условиях риска [8]. В индуизме торговая деятельность считается благом, но лишь для представителей соответствующей касты [22, с. 211]. Буддизм поощряет натуральный обмен, но неоднозначно относится к прибыли как цели торговой деятельности [22, с. 211]. Влияет на международную торговлю и соотношение разных религий в отдельно взятой стране: сильная доминирующая религия препятствует торговле, тогда как присутствие религиозных меньшинств способствует развитию торговой деятельности [26, с. 409–425].

Но помимо базовых установок, формирующих мировоззрение последователей конкретной религии, многие конфессии имеют детальные правила осуществления собственно торговой деятельности, входящие в систему права соответствующей конфессии.

Так, мишпат иври (иудейское право) устанавливает запрет перед продажей какой-либо вещи прилагать усилия к тому, чтобы она приобрела более привлекательный вид, скрывающий ее недостатки [3, с. 98]. В рамках канонического права Римской католической церкви еще в Средние века было разработано учение о справедливой цене, признающее лишь ту цену на товар, в которой соблюдено пропорциональное равенство. Шариат предусматривает запрет на спекуляцию товарами первой необходимости: «Человек, старающийся повысить цены на что-то необходимое для мусульман, заслуживает того, чтобы Всеблагой и Всевышней Аллахом в День воскресенья сверг его в великое Пламя» [17].

В нормах религиозного права можно обнаружить правила выбора контрагента, ограничения оборотоспособности вещей, требования к форме договора и многое другое [13]. Однако в контексте проблемы обеспечения стабильности внешнеторговой деятельности наибольший интерес представляют нормы, воплощающие принцип *pacta sunt servanda*

(лат. «договоры должны соблюдаться»), поскольку именно слабое обеспечение соблюдения международных торговых договоров рассматривается специалистами как одна из непреходящих проблем внешнеэкономической деятельности [19, с. 342–52; 26, с. 409–425], закономерно обостряющаяся в условиях кризиса.

Показательно, что сам принцип *pacta sunt servanda* был разработан средневековыми канонистами [14, с. 474–491]. Одно из первых его упоминаний содержится в работе итальянского кардинала Хостиенсиса (XIII в.): «*Caveat ergo sibi is qui consentit, quia pacta, quantumcunque etiam nuda, secundum veritatem evangelii sunt servanda*» (лат. «Если кто даст согласие, то должен проявлять осторожность, потому как соглашения, даже голые, согласно Евангелию, должны соблюдаться») [Цит. по 23, с. 415]. Рассматриваемый принцип основывается на таком положении христианского учения, как «не клянитесь ни небом, ни землею, и никакою другою клятвою, но да будет у вас "да, да" и "нет, нет", дабы вам не подпасть осуждению» (Иак 5:12), суть которого сводится к тому, что Бог не делает различий между клятвой и простыми словами [23].

Принцип *pacta sunt servanda* можно обнаружить не только в христианстве, но и в иных авраамических религиях. Например, согласно исламу даже договор с представителями иной веры подлежит исполнению: «Соблюдайте же договор с ними до истечения его срока» (Сура 9 «Ат-Тауба», Аят 4) [Цит. по 14, с. 476–477].

В настоящее время рассматриваемый принцип имеет для участников товарооборота обязательный характер в силу закрепления в национальном законодательстве и международных правовых актах. Более того, в регулировании своих отношений субъекты внешнеторговой деятельности могут напрямую апеллировать к религиозному праву, реализуя принцип автономии воли (например, при выборе права Ватикана или Саудовской Аравии). В связи с этим уместно поставить вопрос – имеют ли нормы религиозного права самостоятельное регулирующее воздействие на участников оборота? И более частный вопрос – есть ли основания полагать, что религиозная детерминированность принципа *pacta sunt servanda* усиливает его эффективность во взаимоотношениях с лицами, разделяющими соответствующие религиозные ценности?

Представляется, что ответы на поставленные вопросы должны быть положительными.

Даже в отсутствие государственного принуждения исполнение норм религиозного права обеспечивается целым рядом факторов.

Во-первых, ожиданием воздаяния (позитивного или негативного) сверхъестественного характера. Любопытно, что в работах как отечественных, так и зарубежных авторов обосновывается наличие «сверхъестественной» (мистической) мотивации не только у физических, но и у некоторых юридических лиц [9, с. 66–72; 24].

Во-вторых, стремлением заполучить новых клиентов. По данным Gallup International\WIN по состоянию на декабрь 2016 г. религиозными людьми себя считали 62 % респондентов во всем мире [12]. Игроки на глобальном рынке не могут позволить себе игнорировать воззрения большей части потенциальных контрагентов при разработке своих бизнес-стратегий. Неслучайно в своей работе «Протестантская этика и дух капитализма» Макс Вебер процитировал персонажа Дж. Беньян Mr. Moneylove: «Можно стать религиозным и для того, чтобы разбогатеть, например, для того, чтобы расширить свою клиентуру» [2, с. 213]. Некоторое представление о воздействии религиозных воззрений на спрос и предложение дает динамика развития глобального рынка халяльной (соответствующей требованиям ислама) продукции. В 2023 г. оборот такой продукции превышал 2 трлн. Долларов [16], а к 2030 г. по прогнозу компании Transparency Market Research должен увеличиться до 10,5 трлн долларов [10]. Столь динамичное развитие рынка обусловлено тем, что религиозные правила, имея транснациональный характер, соблюдаются адептами религии независимо от их гражданства или места жительства (нахождения). Транснациональность религиозного права предполагает универсальность норм, составляющих его содержание, что позволяет стандартизировать процессы производства и реализации товаров (не только халяльных, но и, например, кошерных), повышая уровень доверия потребителей к производителям и их продукции. Во многом такое доверие основывается на осознании того, что соответствие товара, произведенного в другой стране, требованиям религии обеспечивается контролем со стороны сообщества верующих в стране производства товара (например, местной еврейской диаспорой) [26, 29].

В-третьих, исполнение норм религиозного права обуславливается риском порицания со стороны религиозного сообщества. Еще Е. Эрлих писал, что «исключение из общности (церкви, союза, из общества, как в социальном, так и в юридическом смысле), отзыв кредита, утрата положения в обществе, исчезновение клиентуры являются самыми эффективными средствами борьбы с упорными правонарушителями» [18, с. 126].

При рассмотрении обозначенных механизмов воздействия норм религиозного права на внешнеторговый оборот нельзя не затронуть такой нетипичный для религиозной сферы инструмент их реализации, как фондовые индексы.

Уже более 10 лет успешно функционирует Stoxx Europe Christian Index, разработанный при поддержке Ватикана и базирующийся на католических ценностях [1, с. 70–72]. В 2015 г. появился католический индекс «S&P 500 Catholic Values Index» [31]. Имеется и Исламский индекс Dow Jones, исключая акции любых компаний, основная деятельность которых является недозволенной или порицаемой согласно Шариату [7, 32].

По словам руководителя Stoxx Хартмута Грэфа спрос инвесторов на прозрачный индекс, помогающий фондам покупать акции компаний, которые послушны религии и получают доходы в соответствии с христианскими ценностями, все больше и больше [33].

Если субъект ведет свою деятельность в соответствии с критериями индекса, он включается в индекс, что положительно сказывается на его инвестиционной привлекательности.

Если же правила не соблюдаются, посредством религиозных индексов осуществляется информирование общественности о данном факте, что запускает процесс порицания (аналогично индексам ESG) [15, 28]. Репутационный урон, наносимый поступками, неприемлемыми с точки зрения религии, может в крайних случаях выражаться в отказе от сотрудничества, от заключения договоров, т. е. в фактическом исключении лица из полноценной экономической жизни.

Именно перечисленные механизмы и инструменты обеспечения исполнения религиозных правил, основанные на ненасильственном, но целенаправленном стимулировании желаемого поведения участников внешнеторговой деятельности, представляют первоочередной интерес. Их всестороннее исследование в рамках правовой науки позволит расширить представления о способах регулирования международной торговли. Более того, в текущих условиях альтернативные механизмы и инструменты воздействия могут оказаться даже эффективнее, чем традиционное государственное регулирование. Это обусловлено тем, что их действенность обеспечивается в большей мере транснациональными ценностями, чем неустойчивыми отношениями между государствами. Разумеется, контраргументом может послужить утверждение о косности такого рода ценностей, ставящей под сомнение целесообразность их применения к динамично развивающимся рыночным отношениям. Но в современном мире даже религиозные правила обнаруживают свойство адаптивности. Например, критерии индекса «S&P 500 Catholic Values Index» подлежат пересмотру Конференцией католических епископов США (USCCB) каждые 3 года [20].

Отметим, что изложенное имеет целью не обосновать идею десекуляризации права, а показать, что религиозные нормы являются не до конца исчерпанным ресурсом совершенствования существующей системы регулирования внешнеторгового оборота.

Вместе с тем не стоит недооценивать и потенциал прямого воздействия религиозных норм на международный оборот. Во-первых, восприятие риска в качестве божественного провидения само по себе способствует сохранению торговой активности в условиях нестабильности [8]. Во-вторых, как справедливо отметил Д.Л. Давыденко, «вера в мистический характер правовых обязательств слаба, но жива и тоже иногда помогает обеспечению их исполнения» [4, с. 300–301]. Как было показано выше, все более-менее значимые религии имеют

собственные правила ведения торговли, значительная часть которых коррелирует с требованиями позитивного права к ведению торговой деятельности. Но далеко не все те, кто причисляет себя к носителям религиозного сознания, знают и понимают эти правила (достаточно вспомнить опубликованные в 2016 г. результаты опроса, согласно которому 69 % православных истолковали догмат *Filioque* в соответствии с католической традицией [11]). Думается, что в ситуации, когда большинство населения относит себя к числу верующих, более широкое освещение религиозного содержания таких правил коммерческого оборота, как, например, *pacta sunt servanda*, могло бы послужить неплохим подспорьем в укреплении договорной дисциплины.

В заключение хотелось бы обратиться к словам председателя Конституционного суда РФ В.Д. Зорькина, произнесенным на Петербургском международном юридическом форуме в 2023 г.: «Нельзя отчасти не признать наличие глубокого разрыва между правовым идеалом и нашей действительностью. Можно даже признать, что этот разрыв не уменьшается, а увеличивается» [6]. Представляется, что религиозное право как набор норм и принципов, основанных на духовных, нравственных убеждениях и ненасильственных механизмах воздействия, может стать тем самым ориентиром, который обеспечит баланс между рациональным и нравственным, поощрением и наказанием в регулировании поведения участников внешнеторговой деятельности. Иными словами, обращение к религиозному праву, его переосмысление в контексте современности, может служить средством не только стабилизации международных коммерческих отношений, но и сокращения разрыва между правом как искусством добра и справедливости и законом, имеющим преимущественно утилитарный характер.

Список литературы

1. Бахтараева К.Б. Социально ответственные инвестиции: маркетинговый ход или будущее финансового рынка? // Рынок ценных бумаг. 2006. № 11. С. 70–72.
2. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. Избранные произведения / пер. с нем. и общ. ред.: Ю.Н. Давыдов. М.: «Прогресс», 1990. 808 с.
3. Ганцфрид Ш. Кицур Шулхан Арух. Иерусалим: ШАМИР, 1994. 159 с.
4. Давыденко Д.Л. Священные оковы договора // Третьейский суд. 2008. № 4. С. 163–167.
5. Деготькова И. ФТС раскрыла объем внешней торговли России в 2023 году // РБК: официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: https://www.rbc.ru/economics/14/11/2023/65532b479a79471209aab87e?from=short_news (дата обращения: 12.02.2024).
6. Зорькин В.Д. Путь права в России. Реформатор – элита – народ // Конституционный Суд РФ: официальный сайт [Электронный ресурс]. URL:

<https://ksrf.ru/ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=94> (дата обращения: 21.02.2024).

7. Калимуллина М.Э. Этика бизнеса исламских банков // Ценностные ориентиры в экономической среде исламского мира: сборник статей. М.: МАКС Пресс, 2009. 147 с.

8. Казанцева М.А., Непп А.Н. Религия и культура как факторы доверия во внешней торговле // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2023. № 1. С. 274–302.

9. Кирпичев А.Е. Гражданско-правовое положение религиозных организаций и аффилированных с ними юридических лиц // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2023. № 3 (70). С. 66–72.

10. Нури З. Перспективы развития мирового халяль-рынка // ISLAM-TODAY.RU: официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: https://islam-today.ru/islam_v_mire/perspektivy-razvitia-mirovogo-halal-rynka/ (дата обращения: 04.11.2018).

11. Опрос: 69% православных в РФ толкуют догмат о Святой Троице как католики // БлаговестИнфо: официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://www.blagovest-info.ru/index.php?ss=2&s=3&id=71143> (дата обращения: 21.10.2023).

12. Прибавилось веры // Гильдия Маркетологов: официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://www.marketologi.ru/news/indikator/3697/?ysclid=lsvx59g3mt993752516> (дата обращения: 04.02.2024).

13. Сергеев П.В. Религиозное право как экстерриториальный регулятор коммерческих отношений // Revista moldoveneasca de drept international si relatii internationale (Молдавский журнал международного права и международных отношений). 2013. № 3 (29). С. 161–172.

14. Торкин Д.А. Понуждение к исполнению обязательства в натуре и взыскание убытков в англо-американском и континентальном праве // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 14. Право 2023. № 2. С. 474–491.

15. Фогельсон Ю.Б. Мягкое право в современном правовом дискурсе // Журнал российского права. 2013. № 9 (201). С. 43–51.

16. Халяль в тренде: последние цифры развития халяль-индустрии // Комитет по стандарту «Халяль»: официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://halalrt.ru/xalyal-v-trende-poslednie-cifry-razvitiya-xalyal-industrii/?ysclid=lta32rm7ny556440599> (дата обращения: 05.01.2024).

17. Хафизов И. Торговля в Исламе // Мечеть Мадина: официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: <http://мечеть-мадина.рф/wp-content/uploads/2017/02/Китап-Торговля-в-Исламе.pdf> (дата обращения: 11.01.2019).

18. Эрлих О. Основоположения социологии права / пер. с нем. М.В. Антонова; под ред. В.Г. Графского, Ю. И. Гревцова. СПб., 2011. 704 с.

19. Anderson J. E., Marcouiller D. Insecurity and the Pattern of Trade: Empirical Investigation // The Review of Economics and Statistics. 2002. № 84 (2). P. 342–52.

20. Catholic Values Index // Сайт S&P Dow Jones Indices [Электронный ресурс]. URL: <https://www.spglobal.com/spdji/en/indices/esg/sp-developed-ex-us-catholic-values-index/#overview> (дата обращения: 21.10.2023).

21. Global trade forecast for 2024 'highly uncertain' after 5% contraction in 2023: UN body // GLOBALNEWS: официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://globalnews.ca/news/10161535/global-trade-2024-forecast/> (дата обращения: 12.02.2024).

22. Helble M. On the influence of world religions on international trade // Journal of Public and International Affairs. 2006. № 17. P. 211.

23. Hyland R. Pacta Sunt Servanda: A Meditation // Virginia Journal of International Law Association. 1994. № 34(2). P. 405–433.

24. Iuliano J. Do corporations have religious beliefs? // Indiana law journal. 2015. № 1, Vol. 90 P. 47–99.

25. Kang H., Fratianni M. International trade, OECD membership, and religion // Open Economies Review. 2006. № 17 (4–5). P. 493–508.

26. Lee C.W., Park S. Does Religious Similarity Matter in International Trade in Services? // World Economy. 2016. № 39 (3). P. 409–425.

27. Mehanna R.-A. International Trade, Religion, and Political Freedom: An Empirical Investigation // Global Business and Economics Review. 2003. № 5 (2). P. 284–296.

28. Picci L. Reputation-Based Governance. Stanford: Stanford University Press. 2011. 233 p.

29. Rauch J.E. Business and Social Networks in International Trade // Journal of Economic Literature. 2001. № 39 (4). P. 1177–203.

30. Sala-I-Martin X. I Just ran two Million Regression // American Economic Review. 1997. № 87 (2). P. 178–83.

31. Socially responsible investment guidelines for the United States Conference Of Catholic Bishops // USCCB: официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: [https://www.usccb.org/resources/Socially%20Responsible%20Investment%20Guidelines%202021%20\(003\).pdf](https://www.usccb.org/resources/Socially%20Responsible%20Investment%20Guidelines%202021%20(003).pdf) (дата обращения: 21.10.2023).

32. S&P Shariah Indices Compliance Criteria Update & September 2023 Rebalance Implementation // S&P Dow Jones Indices: официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: https://www.spglobal.com/spdji/en/documents/indexnews/announcements/20230804-1465479/1465479_sps Shariahindices-8-4-2023.pdf (дата обращения: 21.10.2023).

33. Vatican-backed ethical index given baptism // Financial Times: официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: https://www.ft.com/content/74cfb4fa-516b-11df-bed9-00144feab49a?_i_location=http%3A%2F%2Fwww.ft.com%2Fcms%2Fs%2F0%2F74cfb4fa-516b-11df-bed9-00144feab49a.html&_i_referer=http%3A%2F%2Freligionclause.blogspot.com%2F#:~:text=Hartmut%20Graf%2C%20chief%20executive%20of,invest%20in%20an%20ethical%20way.%E2%80%9D. (дата обращения: 12.09.2023).

Об авторе:

СЕРГЕЕВ Петр Владимирович – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин ФГБОУ ВО «Смоленский

государственный университет» (214000, г. Смоленск, ул. Пржевальского, д. 4), доцент кафедры юриспруденции Смоленского филиала ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ» (214025, г. Смоленск, Чуриловский тупик, д. 6/2), доцент кафедры гражданского права и процесса Смоленского филиала ОЧУ ВО «Международный юридический институт», г. Москва, Researcher ID: IQT-0920-2023; ORCID: 0009-0004-5248-8236; SPIN-код: 3695-6392; e-mail: lawpvs@yandex.ru

RELIGIOUS LAW AND STABILITY OF FOREIGN TRADE ACTIVITY

P.V. Sergeev

Smolensk State University;
Russian Academy of National Economy and Public Administration
under the President of the Russian Federation;
International Law Institute, Smolensk

The article substantiates the relevance of the problem of stability of foreign trade activities. The need to turn to alternative (non-state) instruments for regulating international trade is noted. The article proves that religion influences international trade through the formation of ideological guidelines, as well as through the use of religious law. Three factors of the influence of religious law on participants in foreign trade activities are identified: the expectation of retribution of a supernatural nature, public encouragement and public censure. The conclusion is made about the prospects of studying religious law in the regulation of international trade.

Keywords: *international trade; foreign trade activity; religious law; non-state regulation; stock indices.*

About author:

SERGEEV Petr – PhD in law, Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Smolensk State University (214000, Smolensk, Przhevalsky St., 4), Associate Professor of the Department of Jurisprudence of the Smolensk Branch of the Russian Academy of National Economy and public service under the President of the Russian Federation (214025, Smolensk, Churilovsky deadlock, 6/2), Associate Professor of the Department of Civil Law and Process of the Smolensk Branch of the International Law Institute (127427, Moscow, Kashenkin Lug St., Building 4), ResearcherID: IQT-0920-2023; ORCID: 0009-0004-5248-8236; SPIN-code: 3695-6392; e-mail: lawpvs@yandex.ru

Сергеев П.В. Религиозное право и стабильность внешнеторговой деятельности // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2024. № 2 (78). С. 7–16.

Статья поступила в редакцию 18.03.2024 г.
Подписана в печать 11.06.2024 г.